

Плюснин Ю.М.

**Учёные Академии наук и университетов в городах Сибири:
признаки сходства и различия в профессиональных установках
и психологических реакциях**

Во всех интервью, которые мы проводили в научных учреждениях городов Сибири, наши респонденты, отвечая на вопрос, есть ли какие-то различия между учёными, работающими в академических и университетских НИИ, все как один отмечали, что профессиональный уровень вузовских учёных «конечно, пониже» (или даже «безусловно ниже»). Однако назвать других отличий между этими категориями учёных больше они не могли. Да и профессионализм университетских коллег, подвергавшийся сомнению исследователями из Академии наук, всегда почти оправдывался аргументами следующего ряда: (1) преподавательская нагрузка даже в НИИ университетов слишком велика, чтобы учёный мог полностью погрузиться в работу, следовательно, люди, больше ориентированные на науку, переходят в академические институты; (2) кризис и материальные затруднения середины 90-х годов сильнее ударили по благосостоянию именно исследователей в вузах и из этой категории исследователей в первую очередь формировалась группа «беглецов в бизнес» и в преподавательский корпус своего же университета.

В целом, упоминавшиеся различия в профессионализме университетских и академических коллег всегда выглядели субъективными и «научно» не обоснованными, хотя такого же мнения придерживаются и учёные, работающие в университетах.

А имеются ли более значительные различия между двумя этими категориями учёных? Можно ли зафиксировать такие различия, сделав упор на данные массовых опросов? Это ведь также будут хотя и суммированные, но субъективные оценки. Попробуем провести такое сравнение, опираясь на результаты наших анкетных опросов в академических и вузовских институтах городов Сибири.

Материал и метод исследования

Данные получены в полевых социологических исследованиях, проведённых в 2002-2003 в четырёх городах: Томске, Омске, Кемерово и Красноярске. Опрос проводился с использованием анкеты научного сотрудника, разработанной в 1996 С.Н. Ерёминим, Ю.М. Плюсниним, А.М. Аблажеем, А.А. Гордиенко для мониторинга научного сообщества Новосибирского научного центра [1]. В дальнейшем анкета адаптировалась для всех очередных опросов. Для целей данного исследования анкета адаптирована мною.

Выборочные опросы охватили 20% учёных Томского и Красноярского научных центров СО РАН (общая численность учёных в научных центрах составила 680 чел. в Томске и 612 чел. – в Красноярске) и 30% научных сотрудников Омского и Кемеровского научных центров СО РАН (122 чел. в Омске и 76 чел. в Кемерово; см. табл. 1). В

каждом из четырёх научных центров опросом были охвачены все НИИ СО РАН (21 институт или подразделение, филиал института). Численность опрошенных – 351 чел.

Подвыборки пропорциональны численности сотрудников подразделений (на уровне отдельного института), половозрастной структуре, должностной и административной структуре учреждения, распределению сотрудников по наличию научной степени.

Одновременно в этих городах по той же анкете проводился выборочный опрос сотрудников университетских НИИ (или, если таковых не было, то научных подразделений ведущих университетов города), основная или исключительная деятельность которых – проведение научных исследований, а не преподавание. Были опрошены научные сотрудники 12 университетских НИИ или их научных подразделений. Численность опрошенных – 156 чел.

Будем далее обозначать обе выделенные по формальному признаку ведомственной принадлежности когорты учёных как А-учёные (академические) и У-учёные (университетские).

Таблица 1

Распределение респондентов по месту опроса

Город	Число опрошенных	Процент
Томск	246	48,5
Омск	53	10,5
Кемерово	43	8,5
Красноярск	165	32,5
Всего	507	100,0

Результаты и обсуждение

Демографические и квалификационно-административные характеристики академических и университетских учёных

Две когорты научного сообщества различаются по половозрастной структуре. В Академии наук больше женщин, чем в университетских НИУ (соотношение по полу: А – 67% мужчин и 33% женщин; У – 77% и 23%). Эту значительную разницу (статистически достоверная на уровне $p < 0,001$, при $\chi^2 = 45,19$, $df=1$) можно объяснить действием двух факторов. Во-первых, немало университетских НИУ, особенно в Томске, были ориентированы на оборонные физико-технические и математические исследования и в них доля мужчин по определению выше. Во-вторых, последнее десятилетие в Сибирском отделении РАН происходили интенсивные изменения кадровой структуры, в ча-

стности, возрастание доли женщин вследствие массового ухода из институтов исследователей-мужчин в бизнес или отъезд их за границу [2].

Характерны общие особенности возрастной структуры и различия между А- и У-сообществами. У-учёные – более старые. Их средний возраст – $47,5 \pm 1,0$ лет (медиана – 49 лет). А-учёные моложе – $44,8 \pm 0,7$ (медиана – 46 лет, хотя в действительности распределение выражено двухвершинное, так что следует говорить о двух модах – в возрастных интервалах 26-30 и 51-55 лет). Соответственно, и средняя продолжительность работы в науке у У-учёных больше на три года – $23,7 \pm 1,0$, тогда как у А-учёных составляет в среднем $20,4 \pm 0,6$ лет.

Продолжительность профессиональной деятельности в целом совпадает с возрастным распределением (см. рис. 2), что косвенно может свидетельствовать о следующем. Во-первых, что географическая мобильность в науке в сибирских городах невелика и кадровая динамика научного сообщества определяется сейчас в значительной мере естественным воспроизводством и старением кадров. Молодые исследователи приходят в науку и почти все остаются в ней до конца профессиональной карьеры. Этот вывод косвенный, но он прямо подтверждён характером распределения ответов о смене деятельности учёным в течение его жизни (см. ниже).

Во-вторых, это означает, что процессы «эмиграции» учёных из профессионального сообщества пропорционально затронули возрастные группы и молодых и старых учёных. Первые ушли в бизнес, коммерцию, администрацию, вторые – на пенсию.

Но между крайними группами имеется средневозрастная группа – самая плодотворная – и именно эта группа демонстрирует провал в распределении, причём, одинаковый как в академической, так и в университетской части научного сообщества (см. рис.1). Провал сильнее выражен у А- учёных (эксцесс $E = -1,04 \pm 0,26$; на гистограмме У- сообщества $E = -0,77 \pm 0,39$), что видно и по рис. 2.

Наблюдаемый провал – типичная картина, уже давно и подробно описанная руководителями государственных научных фондов РФФИ и РГНФ в своих выступлениях, характеризующих возрастную структуру учёных, участвующих в конкурсах фондов [3]. Массовый уход учёных из науки в результате её «шоковой терапии» 1992-96 гг. повлёк за собой в наши дни «кризис середины жизни» среднестатистического учёного. Самая массовая возрастная группа – 45-55 лет – это те учёные, которые пришли в науку на пике её популярности и кадрового роста 1980-х.

Но мы видим, между тем, что появилось в науке и новое пополнение – учёные младших возрастов (23-33 года). Здесь, правда, надо бы иметь в виду, что немалая часть их вскоре покинет науку, выполнив свои жизненные задачи, в которых наука есть средство, а не цель (немалая часть аспирантов одновременно работает на должностях младших и научных сотрудников). Между тем, неоднозначно появление третьего, среднего пика (20 лет) на гистограмме распределения у А-учёных.

Сравнительно более старший возраст учёных университетов отражает и различие в распределении научных должностей. Если в верхней части должностной таблицы соотношение главных и ведущих сотрудников у А- и У-учёных одинаково, то в нижней части в сообществе У-учёных снижена доля младших сотрудников за счёт увеличения доли старших. Показательно, что в региональных академических подразделениях встречаются младшие научные сотрудники в возрасте 50 и старше лет! Это либо энтузиасты, лишённые всяких карьерных мотивов, либо люди, находящиеся в очень непростых отношениях с руководством. В университетах в такой ситуации учёный обычно перемещается из научного в преподавательский корпус, где карьерный рост сильнее мотивируется внешними факторами.

Указанное различие должностной структуры коррелирует и с административной структурой сообществ. Три четверти А-учёных (74%) не имеют административных должностей; 17% - заведующие лабораториями и 9% - высший административный персонал. В университетских НИИ несколько иная структура: всего 2/3 (62%) У-учёных не имеют должностей, 23% - заведующие лабораториями (кафедрами) и 14% - высший персонал. По нашему мнению, эти различия обусловлены двумя основными причинами: меньшим численным составом университетских НИИ и меньшей долей реально работающих – т.е. не числящихся в штате, а приходящих в лаборатории и ведущих эксперименты – учёных. На эти моменты постоянно обращали наше внимание респонденты, сообщая, что в некоторых лабораториях университетских НИИ до половины штатного состава – давно забытые персоны. Обе части профессионального сообщества почти не различаются по представленности в их составе докторов (около 21%) и кандидатов наук (52% среди А- и 49% среди У-учёных). Соответственно, одинакова и доля учёных без степени: 26% и 30% (ещё один показатель постарения и кадрового кризиса сообществ региональных сибирских центров).

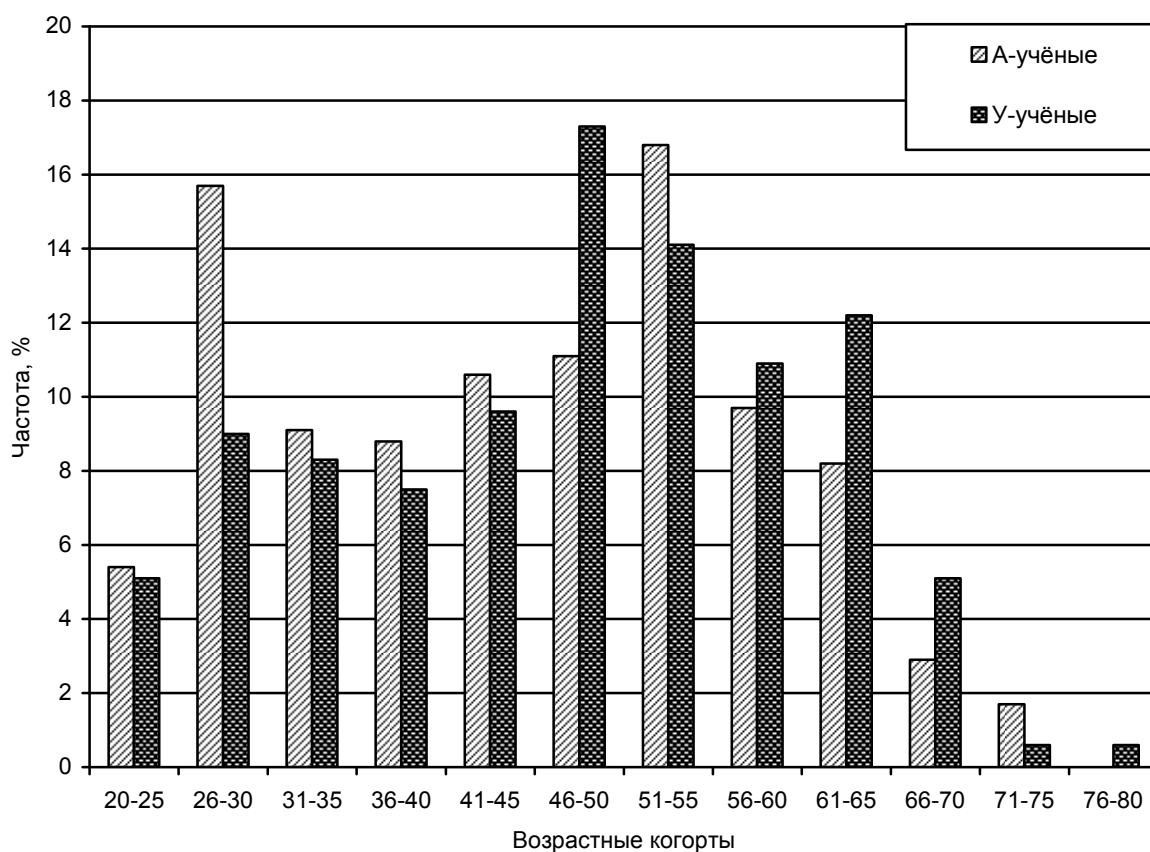

Рис. 1. Возрастное распределение академических (А-учёные) и вузовских (У-учёные) сообществ в городах Сибири.

Профессиональная мобильность и мотивы сохранения верности науке

Подавляющее большинство региональных учёных в течение всей своей карьеры сохраняют верность одной, полученной ещё в университете, специальности (63% в СО РАН и 68% в университетах). Ещё больше они верны одной отрасли науки (95% А-учёных и 92% У-учёных). Только незначительная доля – соответственно, 5% и 8% - составляют корпус «летунов», изменивших когда-то своей «первой любви». В соотношении с данными по более крупным научным центрам, Новосибирскому и Санкт-Петербургскому, это признак высокой консерватизма и низкой профессиональной мобильности [4].

Соответствуют этой профессиональной стабильности и научные предпочтения исследователей. Как видно из таблиц 2 и 3, значительное большинство исследователей оказываются верны не просто нескольким любимым темам в науке, но в половине случаев только одной-единственной. Собственно, это и есть ведущий признак поведения учёного-«цеховика» [5] – стремления всю жизнь оставаться верным единственной профессии и желать того же для своих детей и внуков. Всего 13% исследователей составляют когорту тех, кто склонен «держат нос по ветру» и вовремя ухватывать научную моду, обеспечивая, тем самым и своё материальное благополучие.

Таблица 2

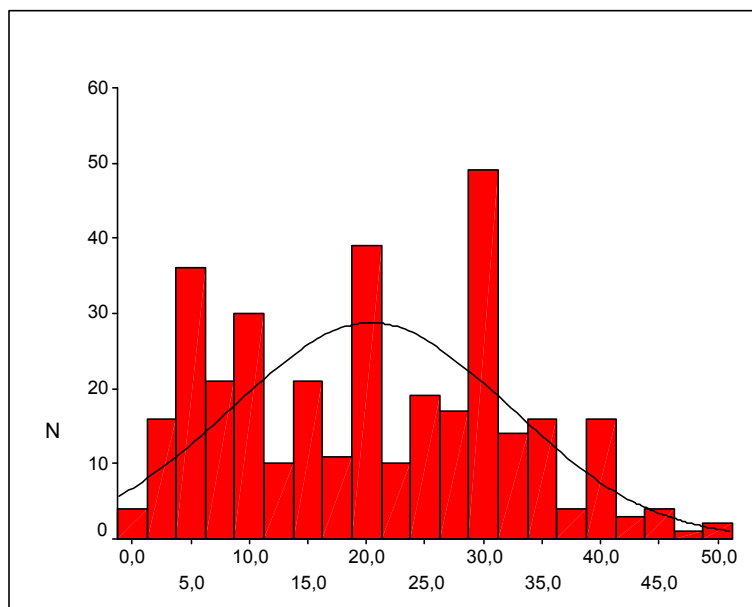
Изменяли ли вы направление своих исследований в последние годы?	Академические учёные, %	Университетские учёные, %
Никогда не менял тему исследования	30	38
В ранний период сменил тему	23	27
Изменил тему в последние 3-5 лет	34	23
Постоянно меняю темы исследований	13	13

Замечательно и совершенно очевидно, что учёные старших возрастов (65-80 лет) предпочитают заниматься уже не одной, несколькими или многими исследовательскими проблемами (соответственно, соотношение 17% к 38% крайних ответов, табл. 3), тогда как молодые исследователи 22-35 лет предпочитают пока не увлекаться (соотношение 23% к 18%).

Таблица 3

Занимаетесь ли вы одной научной темой или работаете сразу по нескольким направлениям?	Академические учёные, %	Университетские учёные, %
Занимаюсь одной научной темой	14	14
В основном одной темой	54	49
Одновременно несколькими темами	32	37

А)

Б)

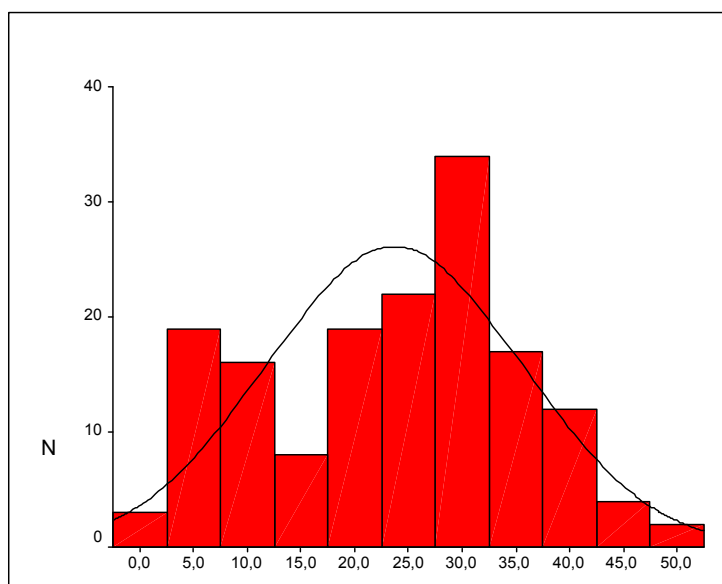

Рис. 2. Распределение сроков работы в сфере науки в академических институтах (А, сверху) и в университетских подразделениях (Б, внизу). Частоты представлены не в процентах, а в абсолютных значениях, поэтому столбцы гистограмм разных интервалов. Представленная на обоих гистограммах кривая нормального распределения позволяет наглядно оценить степень отличия его от наблюдаемого сейчас распределения. У учёных имеют характерный «провал» в интервале между 12 и 19 годами работы, что свидетельствует от том, что именно учёные, проработавшие 5-10 лет в науке, ушли из неё в годы «шоковой терапии» 1992-1996 и последующие. Трёхвершинная кривая распределения у А-учёных свидетельствует либо о более интенсивном оттоке из академической науки в те же годы, затронувшем как самых молодых, так и учёных, находившихся в наиболее продуктивном возрасте после 15-20 лет работы по профессии, либо просто о «дефекте памяти», когда респондент старшего возраста не затрудняется припомнить точную дату и округляет её.

Несмотря на крайне низкую профессиональную мобильность и предпочтение одной или немногих тем научного исследования, учёные указывают, что интенсивность их труда в последние годы скорее растёт, чем снижается. До 1/3 исследователей (31% А-учёных и 35% У-учёных) отметили тенденцию нарастания интенсивности работы и увеличения нагрузок в последние несколько лет. Только, соответственно, 17% и 24% отметили снижение этих нагрузок. При сравнении людей разного возраста динамика интенсивности у молодых ещё выразительнее; старые учёные, конечно, далеко не всегда могут наращивать интенсивность.

Чувство профессиональной верности науке испытывает сейчас большие искушения. Слабые материальные возможности в науке и её упавший социальный престиж заставляют исследователей быть амбивалентными в своём отношении к ней. Эта амбивалентность хорошо проявляется в ответах на два несвязанных между собой вопроса: готов ли респондент при представившейся благоприятной возможности перейти на более оплачиваемую работу вне науки? и желал ли бы он, чтобы его дети и внуки также наследовали его профессию? (табл. 4 и 5).

Таблица 4

Если бы представилась возможность, перешли бы Вы на более оплачиваемую работу вне науки?	Академические учёные, %	Университетские учёные, %
Затрудняюсь ответить	48	40
Да	17	13
Нет	35	47

В первом случае налицо ярко выраженная реакция на современное материальное неблагополучие профессии учёного: половина академических учёных и 2/5 университетских вынуждены высказать затруднение (нежелание?) прямо ответить на этот вопрос. Определённо отвечают, что уйдут из науки, едва только представится возможность только каждый шестой-седьмой. И лишь от трети академических учёных до половины университетских признаются в безусловной верности выбранной профессии.

Таблица 5

Желали бы Вы, чтобы Ваши дети (внуки) пошли в науку?	Академические учёные, %	Университетские учёные, %
Затрудняюсь ответить	21	17
Да	11	16
Скорее да	34	41
Скорее нет	24	21
Нет	10	6

Отчего возникают различия между двумя профессиональными когортами? Распределение ответов на этот вопрос в сильнейшей степени зависит от возраста респондента (коэффициент корреляции $r = 0,42$, $p < 0,0001$): чем старше респондент, тем менее он склонен покидать науку, молодые ещё не определились, останутся ли они в ней. В университете учёный старшего возраста имеет, как правило, ещё и статус доцента или профессора, это даёт ему дополнительные материальные преимущества. Академические учёные, при всей постоянно высказываемой убеждённости в преимуществах научной профессии, оказывается, стоят перед большим соблазном покинуть голодную науку ради куска «хлеба с маслом».

Между тем, прислушиваясь к своему «внутреннему голосу», те же самые респонденты признают, что они в основном – за научную династию (табл. 5). Причём доля людей, желающих, чтобы их дело в науке продолжали их потомки, в региональных центрах выше, чем в Санкт-Петербурге или Новосибирске [6]. Здесь и мнения более определённые и большинство (57% У-учёных и 45% А-учёных) – желали бы видеть своих детей и внуков также учёными. Вновь различия между исследуемыми когортами явно не в пользу сотрудников Академии наук. Они оказываются менее верны традициям и меньше доверяют этой профессии, как способной оказаться хлебной и для их потомков.

Один из весьма неоднозначных признаков профессиональной верности – готовность покинуть свой коллектив, институт и уехать работать за рубеж. Последние 5-7 лет уже не наблюдается столь необузданного желания куда-нибудь «утечь», какое было характерно для многих учёных в первой половине 90-х годов [7]. Так, в 1999-2000 годах в Новосибирске, Санкт-Петербурге и Хабаровске уже всего только около 4% академических исследователей стремились навсегда уехать за рубеж. Эта ситуация в целом характерна и для нынешнего времени. В региональных центрах академические учёные имеют такие же миграционные установки, а вот университетские вдвое чаще рассматривают вариант бесповоротной эмиграции. Как видно из табл. 6, очень многие учёные – до 2/3 и 3/4 от всей численности – хотели бы уехать на работу за границу, хотя бы ненадолго. Имеется несколько объяснений таким интенциям. Во-первых, они характерны в большей степени молодым исследователям, что совершенно естественно ($r = -0,350$, $p < 0,0001$). Во-вторых, такие желания испытывают почти все из тех немногих, кто уже работал за рубежом (а таких в академических НИИ всего 21%, в университетских – 20%; $r = 0,13$, $p = 0,004$). А также многие из того большинства, кто никогда не работал.

Таблица 6

Если бы сейчас представилась возможность, уехали бы вы на работу за рубеж?	Академические учёные, %	Университетские учёные, %
Нет	28	39
До полугода	41	31
На год-два	27	22
Уехал бы навсегда	4	7

Таким образом, мы наблюдаем в целом неоднозначную ситуацию с установками на профессиональную мобильность и ценностями научной деятельности. Эта неоднозначность дополняется и распределением респондентов по предпочитаемым мотивам сохранения верности науке. Как обычно [8], мы анализировали структуру ответов учёных на вопросы, идентифицирующие их мотивы продолжать оставаться в науке и заниматься этим, теперь столь неблагодарным, трудом. Как показано в нашем недавнем анализе [9], структура предпочтений отдельных мотивов в сообществах региональных исследователей оказывается весьма близкой той, что зафиксирована в Новосибирском научном центре, начиная с 1996 г.

Корреляционный и кластерный анализ структуры факторов, которые признаются учёными значимыми в их индивидуальных оценках сохранения верности науке показывают (см. рис. 3), что надёжно выделяются два относительно полярных кластера признаков (существуют значимые положительные и отрицательные корреляции), которые соответствуют ранее выделенным типам поведения в науке – «лишним людям» и «своим людям» [8].

Кластер «лишних людей» образован тремя признаками сохранения верности науке, которые образуют взаимно скоррелированную группу. К типу «лишних людей» отнесены респонденты, дающие высокие оценки (ответы) по следующим причинам, заставляющим их оставаться в науке: (1) «не могу найти более подходящего места»; (2) «боюсь остаться без работы»; (3) «вненаучные причины (жильё, защита диссертации, отсрочка от армии и пр.)». Как видно из рисунка 3, все три причины образуют тесный взаимосвязанный кластер, коррелирующий только с причинами материальными и рутинными (привычка).

К типу «своих людей» отнесены учёные, дающие высокие оценки на следующие четыре причины сохранения верности науке (две первые наиболее значимы как не коррелирующие с другими признаками): (1) «мне нравится моя работа, профессия»; (2) «потому что работаю в хорошем коллективе»; (3) «надежда на позитивные изменения в науке»; (4) «желание быть нужным, полезным обществу». Кластер «своих людей» более размыт и не столь чётко выражен, как кластер «лишних людей»; в нём выделяется «ядерная» подгруппа, фиксированная только двумя первыми признаками, и периферийная группа, фиксированная всеми четырьмя признаками.

Два оставшихся признака сохранения верности науке – «материальная необходимость» и «привычка, сложно изменить образ жизни» оказываются в одинаковой степени связанными как с одним, так и с другим кластером и фиксируют просто наличную и одинаково трудную для всех ситуацию. Поэтому как диагностирующие дифференциальные признаки они рассматриваться не могут.

Каково соотношение кластеров «своих» и «лишних людей» в региональных сообществах? Сравнение по относительной доле «ядерных» и периферийных подгрупп в каждом кластере дало следующие оценки: кластер «своих людей» содержит в «ядре» до 40% всех респондентов, а вместе с периферией составляет 60% всей выборки учёных сибирских городов. Кластер «лишних людей» образует ядерная подгруппа всего из 3,6%, а вместе с периферийной подгруппой они составляют менее 12%.

По нашему мнению, это весьма показательные отличия от той ситуации в научных сообществах, какую мы наблюдали в 1996-2000 годах [9]. Значительно – если не сказать в разы – уменьшилась среди региональных учёных доля людей, которые себя считают лишними для науки людьми, зря занимающимися трудом учёного. По нашим данным, ещё в 2000 г. в Новосибирске, Хабаровске и Санкт-Петербурге в академической науке повсеместно наблюдалось одинаковое соотношение «своих» (50-55%) и «лишних» людей (18-20%). Относительная доля «своих людей» в науке незначительно, но повышается, а доля «лишних людей» сильно снизилась.

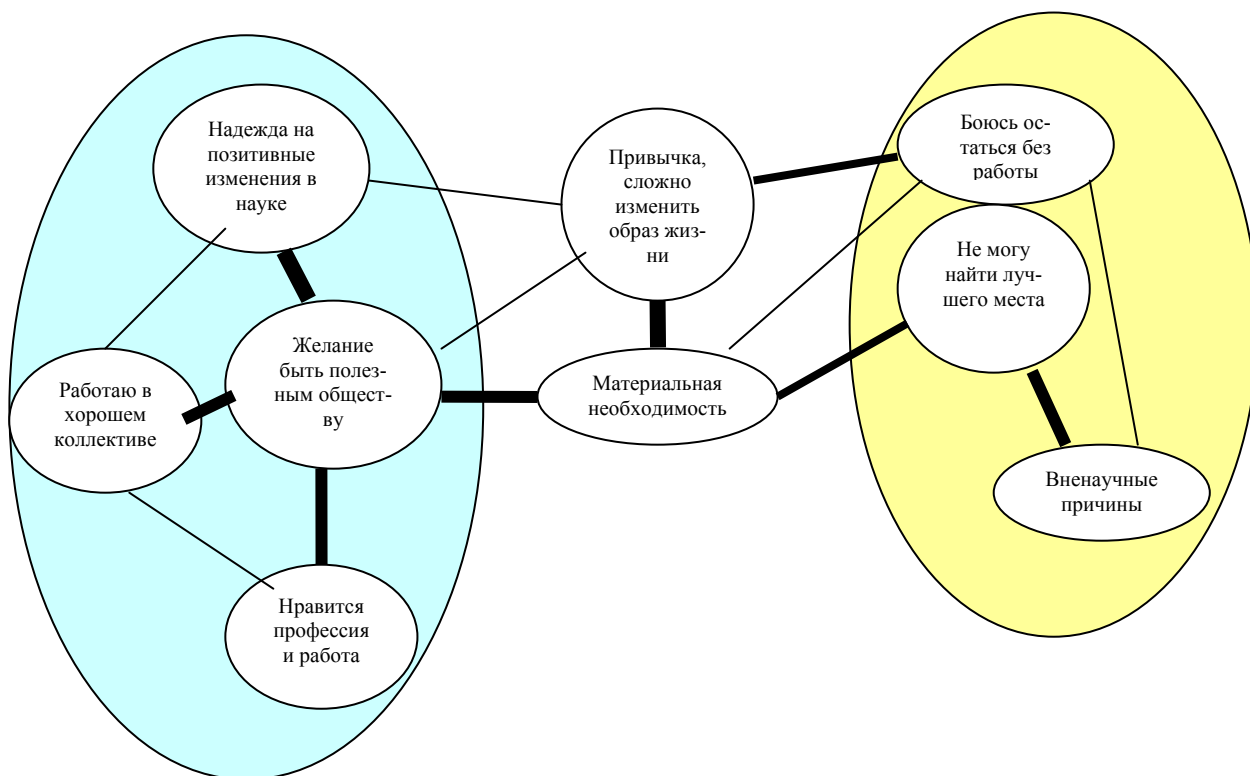

Рис. 2. Кластерная структура факторов как мотивов сохранения верности науке учёными сибирских городов. Расстояние между факторами-мотивами и толщина стрелок примерно соответствует статистически значимому (на уровне не ниже $p < 0,001$) коэффициенту корреляции между факторами. Цветом выделены два кластера, объединяющие факторы позитивной (слева, 4 фактора) и негативной (справа, три фактора) мотивации профессиональной иммобильности.

Возможно, однако, что все эти отличия региональных центров от более крупных в сторону сравнительно высокой доли исследователей с установками «настоящих» учёных и сравнительно очень малой доли исследователей с установками «лишних людей в науке» вызваны были более острым характером протекания кризисных процессов в сибирских городах, что и вызвало более интенсивное вымывание из науки людей, психологически с ней не сродственных, чем, например, в Новосибирске или Санкт-Петербурге, где существовали одновременно и дополнительные возможности для жизнеобеспечения, без необходимости покидать насиженное и тёплое место, каким всегда, наверное, оставалась наука.

Имеются ли, однако, различия между учёными СО РАН и университетов? Анализ распределений ответов по всем 9-ти отдельным факторам-мотивам показывает, что практически отсутствуют какие-либо существенные различия между когортами учёных. Только в одном случае можно фиксировать расхождение в частоте мотивов (статистически его можно отнести на счёт случайной вариации признаков). Распределения ответов на мотив «надежды на позитивные изменения в науке» свидетельствуют, что академические учёные большие идеалисты, чем университетские, они сильнее верят в скорый приход счастливых для российской науки дней.

Индивидуально-психологические условия осуществления научной деятельности

Повсеместно в исследовательских лабораториях отмечается благоприятный психологический климат, способствующий творчеству учёных. Ситуация в академических и университетских подразделениях совершенно одинакова: всего не более 6% респондентов в НИУ СО РАН и 10% в университетских НИУ отмечают плохую обстановку в своих подразделениях. Нормальную атмосферу – 37% и 33%, а благоприятную и душевную – по 57% в обоих случаях.

Однако в университетах отмечается несколько большая взаимная закрытость работы от коллег, чем в академических лабораториях: 10% признаются, что никогда не могут обсуждать своей работы с коллегами (в академических – лишь 3%); без всяких проблем обсуждают работы с коллегами 53% академических учёных и только 44% вузовских.

Несколько большая напряжённость в отношениях учёных университетов видна и по оценкам респондентом эмоционального состояния своих коллег и своего собственного. Если в лабораториях научных центров распределение оценок эмоционального состояния коллег по лаборатории приближается уже к психологически нормальному: 61% - норма, 37% - состояние острого стресса и всего 2% - хронического стресса, то в университетских подразделениях картина менее благоприятна и всё ещё соответствует той, что фиксировалась нами в 1996-1999 гг. в коллективах Новосибирского научного центра [4]. Здесь только 47% отмечают норму в эмоциональном состоянии, 45% - острый стресс и 8% - хронический стресс.

Да и оценки собственного психологического состояния респондентами из академии наук и университетов различаются весьма существенно. По самооценкам академических учёных всего менее 10% из них испытывают постоянные эмоционально-психологические проблемы. Почти 80% свидетельствуют, что находятся в нормальном, благоприятном состоянии, а ещё 11% чувствуют себя просто превосходно. Печальнее обстоят дела у их университетских коллег. Почти каждый четвёртый (24%) испытывает эмоционально-психологические трудности. Две трети считают себя находящимися в норме, а все те же 10% оптимистов указывают на отличное настроение.

Таким образом, распределение самооценок эмоционального статуса в академических подразделениях соответствует норме, а в университетских ещё находится на переходе от стадии массового стресса, каким был период начала – середины 1990-х, к нормальному психоэмоциональному состоянию.

Между тем картина самооценки приспособленности учёных к новым социальным и экономическим условиям в достаточной степени благоприятна. По крайней мере, она не столь тревожна, как это было в 1996-99 гг. И академические и университетские учёные чувствуют себя одинаково хорошо (по 10-11%) или средне (по 55-58%) адаптированными людьми. Только до трети респондентов признают всё ещё сохраняющиеся трудности социальной адаптации: 24-25% считают, что они с трудом приноравливаются к новым условиям (которым сроку уже скоро 10 лет), а ещё 2-5% признают, что они ничуть не приспособились к новой жизни. Тем не менее, мы фиксируем оптимистичные, хотя и медленные, тенденции всё большего приспособления учёных к новым условиям. Доля неадаптированных за 6-7 лет сократилась с более чем 60% в 1996 до 25-30% в 2002-2003.

Не меньший оптимизм вселяет и такой признак, как перспективное планирование научной деятельности. Мы располагаем печальной динамикой резкого сокращения сроков планируемой трудовой деятельности, начиная с 1992 г. и их постепенное нарастание к 1998 [8], затем вновь резкому падению и новому нарастанию, начиная с 2000 г. Теперь, через три года относительно спокойного развития, мы обнаруживаем, что

структура распределения планов трудовой деятельности выглядит уже близкой к нормальной. По крайней мере, она к таковой приближается (рис. 4). Причём у академических учёных кривая распределения сроков планирования деятельности более благоприятна, продолжительна, чем у учёных из университетов. Те пока ещё сохраняют некоторые признаки стрессового и неадаптивного планирования, характерные для академических учёных вплоть до 1999 года. Необходимо обратить внимание на процесс формирования двух типов учёных по срокам планирования научной деятельности. Но это уже вопрос отдельного и специального исследования.

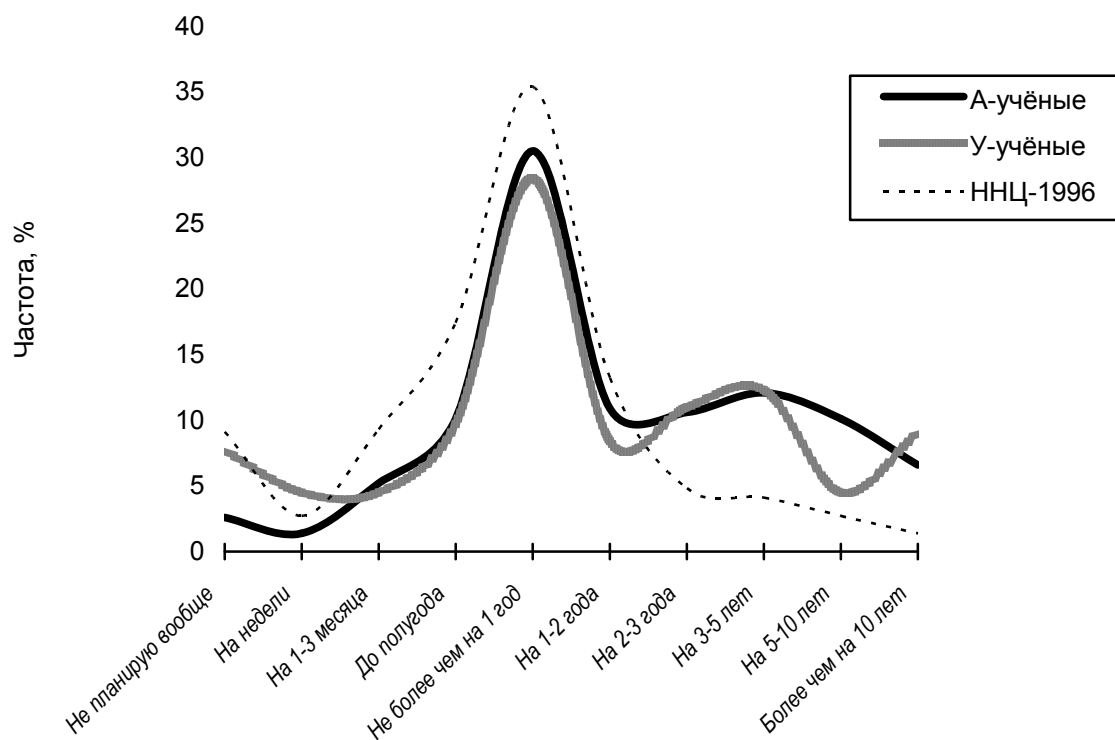

Рис. 3. Распределение сроков перспективного планирования научной деятельности учёными академических институтов (А, жирная чёрная линия) и университетов (У, жирная серая линия) в 2002-2003 гг. в сибирских городах. Для сравнения приведено аналогичное распределение, полученное для учёных Новосибирского научного центра (ННЦ) в годы кризиса (1996). Планирование научной деятельности в те годы было сильно смещено в сторону кратчайших и коротких сроков при сохранении пика в интервале одного года.

Наблюдаемое в 2002-2003 распределение, при всех особенностях университетских учёных, показывает значительное, в среднем, нарастание сроков планирования сравнительно с 1996 и формирование (путём сегрегации) при этом двух типов учёных по характеру планирования: (1) планирующих свою деятельность не более чем в среднем на 1 год, — таких большинство (52%), как и в течении предшествующего десятилетия — и (2) планирующих работу на 2 и более (>10) лет; в сумме доля численности этой группы возросла до 37-39%. В 1996 планирующих на такие сроки учёных было всего 13% и при этом они не составляли статистически различимой группы — это был «хвост» узкого одновершинного смещённого влево распределения.

Таким образом, можно заключить, что почти по всем из рассмотренных мотивационных (ценностных) признаков академические и университетские учёные сходны или неразличимы как близнецы. А вот по признакам эмоционально-психологического состояния, связанными с обстоятельствами научной деятельности, различия между двумя когортами налицо. И они далеко не в пользу университетских учёных. Их скорость психологической адаптации значительно уступает скорости приспособления к новой жизни их академических коллег.

Благодарности

Работа осуществлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 02-06-80481а «Наука в ценностном измерении») и Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 01-03-00152 «Региональные научные центры: условия выживания и жизнедеятельности, факторы стабилизации и самоорганизации» и № 02-03-18285а «Влияние формирования демократических институтов на развитие академической науки в России и на Западе (опыт сравнения)»). Эмпирические данные получены в рамках работы по полевым проектам РГНФ № 02-03-18283е и № 03-03-18020е.

Я благодарен моим коллегам, принявшим самое активное участие в сборе и обработке социологических материалов, использованных мною в этой статье: А.М. Аблажею, В.М. Плюснину, Н.А. Куперштох, М.Г. Ждановой. Помимо этих исследователей, в сборе материалов принимали участие также А.Б. Волков, М.Ю. Немцев, Ю.А. Кандинская, А.В. Климова, М.А. Куранова.

Библиография

1. Ерёмин С.Н. Методическое сопровождение социологического мониторинга новосибирского Академгородка. – Новосибирск, 2000. – 50 с.
2. Куперштох Н.А. Кадровый потенциал научных центров Сибири: особенности динамики 1990-х годов // Науковедение и организация научных исследований в России. – СПб, 2004.
3. Житков про динамику численности грантодержателей.
4. Гордиенко А.А., Ерёмин С.Н., Плюснин Ю.М. Академическая наука в кризисном обществе. На материалах мониторинга новосибирского Академгородка. – Новосибирск, 1997. – 176 с.
5. Плюснин Ю.М. Цеховая психология учёного, или О верности однажды выбранной специальности // Науковедение, М., 2003. - № 1 (17). – С. 101-110.
6. Кугель С.А. Адаптация российских ученых к изменяющимся социально-экономическим условиям // Науковедение, М., 2002.-№ 1.–С. 86-107.
7. Дежина И.Г. Молодые российские учёные и «утечка умов» // Интеллектуальный мост Россия-Запад: проблемы, перспективы, Дубна, 2003; Молодые кадры в российской науке: как их сохранить? // Науковедение, М., 2003. - № 2 (18). – С.
8. Плюснин Ю.М. Лишние люди в науке. Опыт социально-психологического исследования // Науковедение, М., 1999. - № 1. – С. 7-19.
9. Плюснин Ю.М. Почему «лишние люди» не уходят из науки? // Науковедение, М., 2002. - № 1. – С. 108-118.

Аннотация

Плюснин Ю.М.

Учёные Академии наук и университетов в городах Сибири: признаки сходства и различия в профессиональных установках и психологических реакциях

В сознании учёных на уровне профессиональных установок распространено представление о разном «качестве» исследователей, работающих в академической в вузовской науке. Попытка соотнести с этими расхожими установками какие-либо другие эмпирические индикаторы социально-профессиональных и психологических различий была безуспешной. По результатам социологических опросов академических и университетских учёных в нескольких крупных городах Сибири мы должны заключить, что почти по всем ценностно-мотивационным признакам обе профессиональные группы учёных сходны или совершенно неразличимы. Между тем, по признакам эмоционально-психологического состояния, связанным с обстоятельствами научной деятельности, различия между академическими и университетскими учёными существенные. Они далеко не в пользу университетских учёных, способности психологической адаптации которых значительно уступают приспособленности их академических коллег.

Summary

Plusnin Ju.M.

Differences between R.A.S.'s and University's scientists: the traits of similarity and diversity in professional attitudes and psychology

Many Russian scientists are sharing the baseless opinion that there are differences in the professional quality as a specialist between scientists working in institutes of the Russian Academy of Sciences and in institutes belonging to universities. The first cohort has allegedly better professional qualification than the second.

The sociological pool of scientific communities in four Siberian cities (Tomsk, Omsk, Krasnojarsk, Kemerovo) were demonstrating this opinion is untruth. Were not discovered any inter-cohort differences in professional attitudes and values. In the same time the significant differences in psychological reactions as an adaptation to the changed political, social, and economic situation in modern Russia were described. The scientists working in universities are more maladjusted to new times in comparison with scientists from Academy of Sciences.